

ЖАННА АНТОНОВА

Маринка

18+

Жанна Антонова

Маринка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69022636

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассказ в жанре фэнтези. Авторская подача вначале в ироничном тоне, потом фантазмагория меняется по сюжету, уводя в трагедию. С первых фраз увлекает интрига с невидимым врагом, избивающим героиню на пороге квартиры. Маринка не понимает, кто обидчик, потому что он невидимый, а ссадины и синяки на её теле реальны. Вначале рассказ ведётся от первого лица героини. Затем автор меняет режим повествования, и читатель наблюдает как бы со стороны. Сын Маринки рассказывает про себя сам. Автор поднимает этические вопросы о воспитании. Предлагая читателю поразмыслить, а кто невидимый на самом деле в рассказе? Ангел или для матери сын? Предлагает порассуждать, как часто взрослые не замечают проблемы детей, не вникают в их внутренние переживания.

Жанна Антонова

Маринка

Открыв ключом входную дверь своей квартиры, я вошла в темноту прихожей.

И сразу же получила удар в нос. Мне показалось, что вся кровь моего организма взбунтовалась, перекочевала в носоглотку, где клокотала, отдаваясь в висках барабанной дробью.

Подумалось, что сошла с ума и ещё пришла в голову дурацкая мысль о внезапном бунте измученного диетами тела. Почему так подумала?

Да потому, что был светлый день. В квартире, залитой солнцем и заляпанной моей кровью, совершенно никого не было. На меня не падали предметы, как при полтергейсте. Боевик с гранатометом не прятался за шторами. А маньячелло с кривым кинжалом не притаилось за высокой спинкой кресла. Обалдеть! А что бы я тогда смогла сделать?

Ясно, что без боя бы не сдалась. Как представила себе огромного громилу, жутко стало. Допустим, долбанула бы его по башке табуреткой и он бы сразу вырубился как в кино?

А маньяка ошпарила бы кипятком? Нет, нет. Пока до кухни добегу, он меня бы прирезал.

Хорошо, что я уже улыбалась над своими фантазиями и понемногу успокаивалась.

Однако, нос распухал и кровь из него реально капала на пол.

«Сумасшедший не осознает, что он сумасшедший». Замысленная фраза мне в утешение.

А я осознаю или нет? Нет, лучше бы не усугублять и не накручивать себя.

Опять застыла в тревожной стойке, оглядываясь вокруг. Не понимаю, откуда в мой нос прилетел внезапный удар? Из окна мяч? Так седьмой этаж.

Может быть ослепшая внезапно птица? Но стекла целы, и форточки наглухо закрыты.

Кое-как остановив кровотечение, я плюхнулась в кресло и запрокинула голову. Ошарашенно пялилась в потолок. И вдруг все потемнело. Неизвестные силы звезданули по лбу так, что вмиг, будто переродилась в футболиста. Надо иметь чугунную башку форварда, отбивающего головой мяч с такой силищей, что сотрясает мозг, наверно с похожей истязающей болью.

Тут же последовал удар в глаз и сильные шлепки по щекам. Лицо обдало жаром, загорелось.

Я визгливо затыкала не пойми каким зверьком, будто кого-то отпугивая, а потом взвыла, уносясь из кресла ввысь до самой люстры, сшибая хрустальные подвески.

Нет, я не дам себя калечить! Бешено крутилась, как соба-

ка за хвостом, оглядывая комнату. Забежала в спальню, во-
рвалась на кухню, заглянула в ванную комнату. Вышла на
балкон и тупо смотрела с седьмого этажа на прохожих, вы-
скивая замаскированных врагов.

Никто и ничто не зацепили моего пристального внимания,
а уж до меня, торчащей из- за балконного ограждения и дела
никому не было. Внизу перед моими глазами хаотично дви-
гались головы, ноги, расстилались неровные пятна выцвет-
ших газонов. Виднелся серый асфальт в выбоинах, похожий
на лунную поверхность. Крыши машин в тесном дворе, как
темные гробы. Мрак, боль и грусть давили на меня.

Осторожно на носочках прокралась к дивану и тихо усе-
лась, заморозив тело в надменной позе актрисы, будто гор-
дая аристократка перед казнью. Все тело болело, колотилось
сердце. Сильно бесило, что не могу себя защитить и дать
сдачу тому, не понятно кому. Отомстить, отметелить как
следует обидчика. Вот только найти бы эту невидимую сво-
лочь.

Я уже достаточно накопила в себе звериной ярости и на-
страивалась на битву.

На мою гордо торчащую голову долго никто не покушал-
ся, и спина заныла от напряжения в ожидании неизвестно
чего.

Постепенно сердце моё успокоилось. Кругом тишина , ни
звука, только из подтекающего крана – кап, кап, кап.

У меня в квартире совсем мало укромных уголков, где

мог бы спрятаться враг. Хотелось обмануть себя, что ничего страшного не произошло.

Помешательство. Минутное забытье, бред от усталости. Я только что с выезда и совсем мало спала в эту смену.

Подумаешь, горе какое! С каждым бывает. Про себя рассуждала я, одновременно обкладывая льдом лицо. Вот, уже хорошо. Ах, как хорошо! Только мой толстый распухший нос, заткнутый ватными тампонами, не дышал, а ныл и ныл, зараза, не давая передышки. Слишком осязаемый факт реальности. Рано расслабилась. Думай, Маринка, думай.

Растянулась на диване и судорожно начала вспоминать.

**

Живу в типовой двушке, доставшейся по наследству от бабушки маме, а после смерти мамы царствую одна.

Никогда мое уютное гнездо не выталкивало хозяйку и не обижало. Муж тоже не обижал. Даже тогда, когда вежливо прикрыл за собой дверь мило улыбаясь, и назвал меня диетической галетой. Это было давно, шестнадцать лет назад. Беременность ещё не влияла на мою гордость по простой причине незнания о ней. Молодость добавляла дерзкой уверенности в своей правоте, и я помахала ручкой вслед уходящей первой любви.

Ха! Галета. Так все же ради тебя, дорогой. А раньше, что было раньше?

Моя объемистая грудь, казалось, вылетит из платья к нему навстречу без всякого на то, моего согласия. В полуза-

бытой юности мое сдобное пышное тело было ещё тот провокатор. Явно выделяясь телесными рельефами, напористо выступающими со всех флангов, нагло привлекая озабоченные мужские взгляды.

Хорошо, что всё осталось в сумеречном прошлом.

Бывало дома перед зеркалом дотошно примеряла к себе движения, на мой взгляд, подходящие томной загадочной леди.

А моя голова компрометировала, будто прыгая на короткой шее как вздумается. Что-то непристойно громкое, подобное лошадиному ржачу, вылетало из моей глотки, когда я слышала даже незатейливый анекдот. Патологическая смешливость искажала гримасой лицо и так, не слишком облагороженное природой. Не удержать в стойле резвую лошадку с крутым нравом. В компании сверстников за версту было слышно громкоголосую дурынду, засевшую во мне.

А рот! Что вытворял мой рот, дорвавшись до поцелуя! Это же атомная Фудзияма.

Тьфу ты, Боже мой. Фудзи – гора. Нет, наверно, не гора. Короче, атомная, которая взрывалась везде в глубине меня. От терпкого жара я изнемогала, еле удерживая распирающую энергию в себе. Как разрушительная радиация ядерного гриба, так страсть опаляла мое нутро.

От того, почему-то смех разбирал меня, наверно опасаясь обиды от посторонних и маскируя неуверенность. Тех, кто оказывался рядом, как бомбой шарахало от меня. От, пожи-

рающей симпатию, моей словоохотливости. Бедные поклонники! Они, чуть опомнившись, уносили ноги от чувственной атаки полногрудой громкоголосой насмешницы.

Да, раньше хотела обнять весь мир и помочь всем и любить всех. Что со мной стало?

— Маринка, ты когда-нибудь глаза закрываешь? — с укором спрашивала меня мама. — На твои горящие маяки подплывает много кораблей. А остаются только щепки.

Мама была главным философом в семье, любила поучать. Все мои промахи по жизни считала великим горем, что раздувала до космических масштабов. Говорила, что это космос хочет сделать нас несчастными, чтобы мы учились и не грешили.

Когда это было? Я уже тысячу обликов примерила на себя. И атомную страсть- Фудзияму давно раздробила на аккуратные стекляшки, отражающие мир как требуется, а не как хочется в розовых тонах и солнечных бликах.

Поставила тугие заглушки на все нежные точки своей некогда обширной обманутой души. Предательский взрывной темперамент надежно погребла под масками равнодушия. Девиз моей хладнокровной жизни теперь такой, — если я чего-то не знаю и не вижу, значит этого нету.

Так легче жить, так не больно.

Но довольно, хватит воспоминаний. Кому бы позвонить? Нет, нет. Что подумают? Да и слов-то не найти, как описать то, что со мной случилось и не прослыть душевнобольной.

Ну и ладно. Подожду до завтра. У меня лишь хрустел нос и заплыл глаз, а так – терпеть можно. Завтра, завтра. Подумаю об этом завтра. Где-то я это уже слышала.

**

На утро первым делом я подошла к зеркалу. На меня смотрела страдающая грешница, которую выгнали из ада за хорошее поведение. Да уж! Что-то я слишком покладистая. Меня отмузулили в своей же квартире, а я себя успокаивала и даже не хотела проводить расследование.

Полтергейст отметался. Упустить из виду полеты предметов, пусть и заплывшим глазом, надо сильно постараться. Тогда, как понимать нестерпимые удары по лицу, а заодно и самолюбию?

Они у меня одинаково беззащитны. От кого? За что?

Хотела позвонить Кате, чтобы завтра заменила. Я её раньше часто выручала.

Да хватит уже! Что я себя обманываю и боюсь произнести? Да. Боюсь, но надо.

Невидимка! У-у-ухх, произнесла. Невидимка – это кто-то невидимый? Сердце не соврет, вон как колотится, аж шелковая рубашка шуршит.

Спокойно, Маринка! Если такое предположить, то, по логике, невидимка должен или должна мне за что-то мстить. Так, кто может быть на меня в обиде?

Катя. Должна ей две тысячи, завтра отдам.

А может быть Павел? Точно, Пашка! Отказала ему на корпоративе, когда он полез целоваться. Так у него страшные кривые зубы, ему никто не дает, не только я. Тьфу, что это я? Как же он станет невидимым с кривыми- то зубами?

А может быть Борис Алексеевич?

Не всегда показывала чаевые, а уговор у всех проводниц – с ним делиться. Но это же за мою изворотливость и угождение пассажирам. Нет, за такое он не будет меня избивать.

Ууух, жуть какая, аж потряхивает от догадок.

Римма, Риммка – сучка такая! Я не донесла, что ее благоверный к нашему рыжему мальку – Оленьке в общежитие шатается. Так и никто не сказал, она сама выследила. Нет, Риммка не такая. Нет, не она. Она невидимкой по конституции не подходит. Мою двушку разнесла бы в прах. Габариты неманевренного дирижабля далеко не призрачные.

Ах, все-таки какая я безобидная! Нет, наверно, беззаботная и безалаберная, а мама сказала бы «черт заюшенный». Это неавторитетное определение я получила, когда бросила педагогический. Проводница, конечно, менее престижно, чем учительница русского и литературы, но теперь могу читать, сколько душе угодно на работе. Да и службишка хлебная, с наваром сверху.

Да, я, оказывается, просто святая! Как можно не вспомнить о грехах и пакостях?! Давай, Маринка! Кайся, кайся!

Нет, не припомню, ничего плохого никому не делала. Правда, вот те глаза девчухи на перроне. Опоздала она. Ну,

как опоздала. Было еще время. Но я дверь закрыла перед ее носом. Когда она, запыхавшаяся, подбежала, я смотрела сквозь нее вдаль и наслаждалась могуществом.

А чего? Она такая красивая, ухоженная, да еще и опаздывала. Следующий поезд вечером, так что уехала бы как миленькая.

Да, что я тут исповедуюсь перед собой? Это мелочи, и никто не видел, как я изгалялась над красоткой.

А еще никто не заметил мальчишку на крыше поезда. Как их там называют? Погуглила – «зацепер».

Тогда я тоже сделала вид, что не заметила. Не знаю, попал он в сводки ежемесячных жертв смертельных игрищ или нет – не мое дело.

Эх, Маринка, совсем ты расклеилась, нос по ветру не удержишь. А он, зараза, ноет и ноет, болит и болит.

Никому не скажу ни о чем. Все хорошо. Все хорошо.

Незнакомец.

— Дура ты, Маринка.

— Ты кто?

— Я ангел-хранитель!

— Ангелы не дерутся!

— А я дерусь.

— Ой, ой держите меня, голова закружилась, ой повело-

Марина очнулась на полу в узком коридорчике возле открытой двери в ванную комнату. Медленно по стене поднялась и уставилась на гостя.

На краешке замызганной ванны толстым боком притулился коротконогий крепыш с двойным подбородком и тощими пуховками за спиной. Одной ногой он упирался в наружный бок ванны, а другой игриво помахивал, выкручивая ступней то влево, то вправо.

— Ты похож на моего соседа Пыжика, — нервно хихикнула хозяйка, потирая ушибленный бок.

— Этот краснорожий? Тот, что облизывался на тебя, когда приходил за солью и сахаром? Знаю, видел такого. Может быть, может быть, — задумчиво произнес коротышка и внезапно спрыгнул на кафельный пол.

Марина отпрянула от дверного проема, упреждающе выставила вперед руки. Незнакомец ловко пригнулся, ринулся к ней и уткнулся красным лицом в незащищенный живот дамы. Взахлеб зарыдал, преувеличенно театрально, волнообразно сотрясая свое тело:

— Маринка! Дурында ты такая! Я ж тебя люблю, а ты не видишь, — просипел коротконогий.

Женщина почувствовала, что живот у нее мокрый, и с

брезгливой осторожностью, обхватив голову плакальщика, еле оторвала от себя незнакомца.

Вдруг красномордый с недоразвитыми крыльями превратился в грязную дворнягу с лишайными проплешинами. Псина спиной забилась за стиральную машину и тоскливо уставилась мутными катарактовыми зрачками. Из распахнутой пасти животного с вываленным синюшным языком воняло так, что Марина задержала дыхание, а потом резко захлопнула дверь в ванную и приперла ее спиной. Заплакала и обреченно сползла вниз. С отрешенным видом тупо уставилась в пол, руки безвольно подрагивали на коленях, ноги уперлись в противоположную стену узкого коридора.

— Ой, соринка. Надо бы пропылесосить, — прошептала, криво улыбаясь подбитой губой. — Да. Да... Дождалась: заводится всякая нечисть только от грязи.

Послышались пронзительно тревожные, будоражащие звуки, похожие на детские резиновые пищалки. Женщина медленно поднялась, продвигаясь с неуклюжестью заторможенного зомби,

приоткрыла дверь в ванную. На кафеле белоснежным комочком, задрав голову снизу-вверх, доверчиво смотрело очаровательное существо. Невыносимо трогательная мордашка то ли котенка, то ли щенка пыталась хозяйку квартиры истязать нежностью. Притягивала и манила распахнутыми чисто-голубыми глазами. Женщина осмотрелась, с воинственной осторожностью змеи в прыжке заглянула за сти-

ральную машину – никого.

Решительно наклонилась и взяла милашку на руки. С нежностью прижалась губами к ароматному пушистику, теплomu и податливому, блаженно закрыла глаза. Вдохнула так глубоко, будто хотела впустить в себя побольше распирающей неги и покоя, исходящих от неожиданной нежнятины, беззащитной, как она сейчас. Открыла глаза, высоко подняла над собой живое облако счастья и закружилась:

– Все хорошо, все прекрасно! Почудилось и забылось, — ей было не наглядеться на трепетное чудо.

Чудо выпустило острые когти, голубизна глаз остекленела, из умильно-влажной кнопки носа извергнулся ядовитый пар, как из придавленного гриба-вонючки. Осатаневшее существо с шипением набросилось на шею очарованной жертвы. Заодно исполосовав грудь и спрыгнув на пол, пробороzdило левую ногу Марины. Она дико заверещала и обезумевшим зверем кинулась в погоню за оборотнем. Он юркнул под кровать. Женщина бросилась на кухню, притащила швабру и распласталась на полу, на ощупь елозя орудием мести в темном пространстве низкой лежанки.

— Ах ты сученыш! Я тебя выковыряю отсюда! — задыхаясь вскакивала, прыгая раздраконенной мегерой, опять падала, прицельно вглядываясь под кровать и все настырнее орудую длинной палкой. Шея блестела от застывших кровавых борозд. Пыль из-под кровати вихрем вылетала, оседая лохмотьями везде по квартире и на свежих ссадинах изму-

ченного тела Марины. Она чихала и отплевывалась, но не переставала упорно доставать маленького монстра.

— Да ладно тебе. Успокойся, сядь рядом, страдальца моя.

Коротконогий вальяжно возлежал на подушках и с ехидной ухмылкой следил за бессмысленной возней у подножия кровати.

— Нет, так неудобно. Крылья помнутся!

Гость приподнялся, встряхнул плечами, горбатой пирамидой угнездился посреди подушек и выжидаяще уставился на Марину.

Та поднималась с угрожающей медлительностью и со свистящим сопением нависла над коротышкой.

— Все-о-о-о, обрубьш-ш-ш! Смерть твоя пришла. И твои чертовы замусоленные хвосты за спиной не похожи на крылья ангела. Не обманешь-ш-ш...

— Не шипи так близко, — нагло щурился гость, опасливо подаваясь назад от разбитого лица Марины. — Мы теперь с тобой часто будем встречаться. Знаешь, как в гитлеровской Германии было? Родственникам повешенного выставляли счет за веревку, виселицу и палача. Я помню все это, как сейчас. Кое-чему научился. Штрафные санкции к тебе, Маринка, применю. Пока не поймешь, за что страдаешь.

Марина оторопело застыла и по-простецки выпалила:

— Ангелы не такие, не такие.

— А какие? Ты кого хотела увидеть? Что ожидала? В сияющем свечении под божественную музыку арф, я огнен-

ной дланью благословлю тебя и оставлю символы на двери: «Здесь живет святая». За свои действия и поступки надо отвечать!

— Какие поступки? Ты, палач-насильник, суд решил учинить надо мной? Ты должен охранять людей, ограждать от бед и грехов, а не издеваться.

— Каким я должен быть, не тебе решать. Я высшее существо, а ты смертная баба.

— Как тебя зовут? — изменила тактику подсудимая, заискивающе-ласково взбила ангелу подушки и уселась рядом.

— Я безымянное существо, — мирно подвинулся к ней гость. — Соединяю пространственные бреги в одно временное мгновение. Лишь бы не было лазеек в наши миры. Достаточно того, что здесь все изгадили.

— А через какую щель сам-то просквозился?

— Да не важно откуда. Хоть с проводов, хоть с колец Сатурна. Мириады миров бесконечны! Я тут с тобой и так правила нарушаю. За что, думаю, поплачусь по полной. Не можем мы влезать в человеческие отношения, предсказывать, понукать, поощрять. Помню одну подопечную в средневековье. Все орала: «Я буду жаловаться на тебя Богу, я дойду до всех архангелов».

Могу сказать только одно, что мутируем мы вместе с вами и страдаем от грехов ваших, но изменить ничего не можем. И подсказать вам что и как делать, не имеем таких полномочий. Доходите до всего сами, не уважаемые грешники.

Красномордый противно захихикал и продолжал разглазговать.

Чувства ваши противоречивые, не понятные нам по своей неоднозначности, проникают угаром смертельным и расплозуются сладким дымом в нас, бестелесных. Как так? Непонятно. И чаще всего, как ни стараемся, не можем быть объективны к подопечным нашим. Такая вредная побочка от вас, землян, потихоньку разрушает наш бессмертный дух.

Ангел вдруг заелозил на кровати и обнял Марину. Наклонился к ее уху и, часто дыша, доверительно прошептал:

— Разжалуют меня, ох, чувствую, разжалуют. По нисходящей в иерархии. Замечаю, что перерождаюсь от частого использования в миру тел земных. Выгонят из Собора воинства небесного. Не дотянуться мне до чинов Херувимов и Серафимов. И придется до конца службы своей разгребать мне чертоги зла.

Вот тебя я люблю и ненавижу. С коварной хитростью людской, зараженный чувствами и думами о тебе, исходящих от близких и родных твоих. Но не могу тебя не презирать за слепоту и черствость душевную.

Откровения мстительного ангела больше разозлили, чем успокоили жертву. Женщина уже спрыгнула с кровати и, сжимая швабру в руках, начала примериваться, куда бы ударить истязателя-философа.

— Не размахивай давай тут этой... э-э-той палкой, — коротыш соскочил с кровати и покачиваясь засеменил на бал-

кон в открытую дверь. Вскочил на перила и по-будничному, основательно оглядел себя.

— Эх, не быть мне тут с вами шестикрылым, — вздохнул ангел.

Жидкоперые крылья встрепенулись, зашуршали и замельтешили суетливыми махами. Руки у летуна смиренно сложились на груди, а глаза уставились в небеса.

Но полетел он не ввысь, а вниз.

Марина ахнула и выбежала на балкон, долго всматривалась в туманное небо, задрав голову. Потом прицельно рассматривала что-то внизу, перевесившись через перила половиной тела.

И вдруг истерично засмеялась. Ринулась к входной двери, выскочила на лестничную площадку и не помня себя оказалась у двери нижней квартиры, расположенной ровно под ее жильем.

Сосед быстро открыл, шагнул через свой порог в общий коридор и еле оторвал побелевший палец женщины от звонка. Увидев ее разбитое лицо, резко отшатнулся. Удивленно таращился на Марину, а она — на ангела-черта, по ее мнению, скрывавшегося под личиной соседа.

Очнувшись, начала напористо тискать и ощупывать ошалевшего мужчину, нагло оглаживала его спину и бесцеремонно заглядывала под футболку.

— Пыжик, ты, что ли? Ты сейчас надо мной изгалялся? — хамовато ухмылялась Маринка, не отпуская мучите-

ля.

— Соседка, что за фамильярность? У нас не такие уж и близкие отношения, — обиделся мужчина. Он тщетно изворачивался и в то же время не смел оттолкнуть спятившую женщину.

— Кто тебя так? Ты не в себе, ой, щекотно, что ты! Зачем? Оставь, это не прилично! — смущенно шептал он, оглядываясь по сторонам.

— Здравствуйте, Эдуард Филимонович. Здравствуй, Маринушка, — сверху спускалась щуплая бабуля с мусорным пакетом и застыла на лестнице, наблюдая подозрительную катавасию соседей снизу.

— Давай, проходи уже, не до тебя, старая клюшка, — шикнула Марина на старушку.

— Хамка, шалава невоспитанная, шлюха! И этот еще, коротколапый недоростыщ, красномордая тварь! Туда же, слюни распустил, — орала бабка возмущенно, пока не скрылась за створками лифта.

Марина упорно продолжала допрос соседа.

— Пыжик, ты сегодня у меня был?

— Когда? Марина! У самого неожиданные гости.

Сын

Я из последних сил держусь за перила балкона. Смотри-

те, у чувака руки мультяшной, сука, тянучкой сами по себе, а тело висит довеском. Как талдычит мамка: «Ты моя непосильная гиря».

Я уверен, что в морге ей будет стыдно только за мои носки с дырками, а обо мне стремно выть, всхлипнет немного. Хоть бы не увидела раньше времени. Вот палево, на виду у всех вишу. Такая вот у меня жиза. Квест, короче. Скоро шестнадцать долбануых лет, а лохом помру. Не удалось мне прокачать свою боль и избавиться от нее. Ну ничего, мамка. Последний раз накосячит твой сын, не буду довеском. Я старался тебя беречь, видит, не видит мой ангел или черт. Кто там меня по жизни толкает косячить? Давай, ютиб, агритесь! Последний раз летите лойсы Сане-псику. В интернате нас много таких. Мало выходных, мама! Мало выходных было, когда ты меня забирала, а гиря тяжелела и росла. Бабуля пять лет тащила, родная моя, к тебе хочу. А ты вспомни, мамка! Синюшные мои пальцы, помнишь? Я ведь не пикнул, тебя боялся расстроить. Вот, признаюсь теперь. Думал, вдруг разозлишься и опять на выходные не возьмешь. Сколько мне было? Семь лет. Ты машину вела новую. Откуда мне знать, что стекла автоматически поднимаются. У нашего завхоза древние жигули были, вручную задвигались, когда нас катал. Ты прижала мою ручонку хилую, еле вытащил, а пальцы никак. Не ойкнул даже. Сердце запеклось, в глазах потемнело, но ни звука от меня ты не услышала. Выдернул руку, когда пальцы онемели, и спрятал в карман. Ты остановила машину

у подъезда. Чо тогда сказала , а? Вспомни мамка.

«Выходи, шальной клоун. Чо там в карманах прячешь? Отвисли, как уши у слона. Опять какого-нибудь дохлика притащил? Вот и носит в дом всякую падаль. То котят блохастых, то собаку лишайную».

Повернулась и пошла в подъезд. Клоун, блин. Так, говоришь, клоун? Мамка, прощай! Люблю тебя!

Прыжок.

Долговязый парнишка в синей куртке несуразно раскинул ноги. Изломанные руки оказались согнуты под спиной. Парень широко открытыми глазами смотрел в небо. Из-под обритой головы расползлась черная кровавая лужа. Первым около него оказался лишайный пес с мутными зрачками и старательно обнюхивал распластанное тело. Потом заголосола тетка с сумкой картошки, и стали подбегать люди со всех сторон. Собака исчезла, и на груди мертвеца свернулся комочком белоснежный котенок. К пушистому животному потянулись руки, но существо зашипело и ошетинилось так, что руки мгновенно убрались.

— Этого парня я где-то видела, — слышался голос из толпы.

— Бедный, как же это он сорвался? — вторил мужской бас.

— Вон их на крышах сколько носится. Чем там и занимаются?

— Известно, чем — наркотой.

Шум сливался в едином потоке догадок и измышлений.

— Да это, кажись, сын Маринки из сто двадцатой. Да-да, я помню его маленького. Все с бабушкой гулял.

— Да нет. Что ты говоришь, Петровна. У этой шалавы и детей отродясь не было.

— Да-да, подтверждаю, не было.

Подбежав, запыхалась кокетливая дама, моргая длинными метелками ресниц.

— Я знаю Марину, мы с ней приятельствуем. Я не из этого дома, но часто разговаривала с ней. Ни разу она не обмолвилась о сыне. Такая приятная женщина, благовоспитанная и вежливая.

Сосед

Эдуард Филимонович пододвинул к Марине коробку с зефиром и лилейным взглядом оглаживал ее шелковую рубашку с закатанными рукавами, стараясь не глядеть на разбитое лицо женщины. А также, избегая замечать разодранные ссадины на руках и распухшие синяки.

Марина чинно восседала на кожаном диване, обхватив обеими руками большую чашку чая.

— А где твои гости?

— Что? — встрепенулся сосед. — Да послушай, Марина, неловкость какая. Постучался ко мне молодой парнишка. Сказал, что потерял ключ от смежной с моим балконом квартиры.

И попросил разрешения перелезть от меня на свой балкон. Но пока я с тобой на площадке возился, его уже и след простыл.

Я ведь недавно переехал. Не знаешь, кто тут живет на этаже с тобой?

— Ну ты доверчивый! Глянь, не обнесли ли.

Эдуард Филимонович озабоченно огляделся и вышел на балкон.

— Марина! Поди сюда. А парень-то, по всему видать, сорвался...